Библиотечка молодого атеиста

В СЕРИЮ ВХОДЯТ:

А. И. Евсеев. Атеистическое воспитание молодежи

Г. Г. Ершов. Смысл жизни и социальное бессмертие человека

А. А. Кузнецов. Истина против заблуждений и фальсификаций

В. Н. Никитин. Клуб воинствующих атеистов

4

С. А. КУЧИНСКИЙ

Атеизм и нравственный идеал

С. А. КУЧИНСКИЙ

Атеизм и нравственный идеал

ЛЕНИЗДАТ · 1981

86.16
К88

Составитель библиотечки —
доктор философских наук, профессор
Н. С. Гордиенко

Кучинский С. А.

К88 Атеизм и нравственный идеал. — Л.: Лениздат, 1981.— 56 с.— (Б-чка молодого атеиста).

Автор критикует религиозные интерпретации нравственных проблем, раскрывает атеистическую направленность подлинно гуманистических ценностей коммунистического нравственного идеала.

К $\frac{10509 \quad 0400000000-241}{М171(03)-81}$ 28—81

86.16

Мораль и религия

XXVI съезд КПСС подвел итоги очередному этапу коммунистического строительства в нашей стране, отметил достижения советского народа в экономической, социально-политической и духовной областях. В поступательном движении к коммунизму совершенствуется не только материальная основа жизни общества, но вместе с ней меняется и сам человек. Сегодня наша страна демонстрирует всему миру, как в развитом социалистическом обществе утверждаются черты коммунистической нравственности, нового отношения к труду.

«Советский человек,— говорил на XXVI съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью созидателя нового мира»[1]. В основе многогранной деятельности партии по формированию нового человека лежат принципы пролетарского, марксистско-ленинского мировоззрения. Революционная идеология и мораль рабочего класса, «коллективная психология, его интересы и идеалы становятся ныне достоянием всех слоев советского общества»,— сказал Л. И. Брежнев.

Формирование нового человека на лучших революционных, боевых и трудовых традициях рабочего класса, на образцах единства коммунистической убежденности и нравственной чистоты многих наших современников — все это приобретает особую важность в воспитании молодого поколения. Психологии юношества свойственны обостренный интерес к проблеме идеала, поиски твердой нравст-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

венной ориентации в жизни, образцов для подражания и повышенная потребность в самоутверждении. Именно в этом возрасте складываются характеры, вырабатываются убеждения и жизненные принципы.

«Сердцевиной идеологической, политико-воспитательной работы было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения, беззаветной преданности делу партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма»[1]. Одной из важнейших и принципиальных черт марксистско-ленинского мировоззрения является единство его научно-материалистического характера и высокого нравственного идеала.

Атеизм, религия и моральное достоинство человека... Непонимание природы морали не могло привести человека в его поисках добра и справедливости к истине. Многие века господствовало убеждение в неразрывной связи нравственности и религии. Именно в религии человек искал ответы на так называемые вечные вопросы — что считать добром и злом, как согласовать личные склонности с требованиями долга, в чем счастье человека? Однако и в период сильного влияния церкви и религиозных традиций на жизнь людей раздавались голоса, утверждавшие независимость нравственности от религии. Мысль о возможности существования высоконравственной личности, свободной от религиозных иллюзий, была высказана еще до появления марксистского учения. О моральном достоинстве и гуманизме общества атеистов говорил еще в XVII веке французский просветитель Пьер Бейль: *«Страх перед божеством и любовь к нему не всегда являются наиболее активным началом человеческих действий»*[2]. Бейль утвер-

---

[1] О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 года. М., 1979, с. 9.

[2] *Бейль П.* Исторический и критический словарь. В 2-х т., т. 2. М., 1968, с. 144.

ждал нравственную ценность нерелигиозных мотивов в поведении человека.

Минули времена безраздельного влияния религии на души и умы людей. Достоинство безрелигиозных, действительно гуманистических идеалов утверждают сегодня страны социалистического содружества. В нашем обществе, как было отмечено в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, господствует научное материалистическое мировоззрение. Сегодня высокое моральное достоинство коммунистических идеалов стало историческим фактом.

«Основой духовной жизни советских людей, их идейным оружием в борьбе за новый мир,— говорил Л. И. Брежнев, — служит марксистско-ленинское мировоззрение. У нас воспитывается новый человек — человек благородных идеалов и высоких нравственных принципов, выраженных в моральном кодексе строителей коммунизма. Понятие «советский человек» — это синоним мужества и стойкости, трудового и воинского героизма, высокого сознания общественного долга» [1]. Сама жизнь дает нам прекрасные примеры высокой гражданской сознательности советских людей, в которых раскрывается безусловное преимущество марксистского гуманизма перед гуманизмом религиозным. Степан Степанович Витченко, Герой Социалистического Труда, инициатор движения наставничества, начало которому было положено в ленинградском объединении «Электросила», следующим образом определяет свою жизненную позицию: «Быть в ответе за все и всех — так я привык, таков мой принцип. Человек должен быть добрым, не добреньким, а нравственно добрым. Но не по-христиански всепрощающим. Всепрощение предполагает отказ от борьбы со злом, а я-то злу не сдаюсь, я с ним, черт

---

[1] *Брежнев Л. И.* Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1. М., 1979, с. 7.

побери, воюю изо всех моих сил»[1]. В таком отношении к жизни отражаются лучшие черты коммунистического гуманизма, его активный, действенный характер. «Самая суть коммунизма определяется тем, что граждане обладают высокой степенью сознательности и чувством ответственности перед обществом, высокими нравственными качествами»[2].

Однако противники коммунизма не хотят признавать нравственных ценностей, которые он утверждает. Религиозные деятели с неослабевающей настойчивостью отстаивают взгляд на религию как на колыбель нравственных ценностей человека. Глава римско-католической церкви папа Иоанн Павел II называет христианскую церковь «экспертом в области гуманизма». Церковь по-прежнему претендует на монопольное право давать единственно авторитетные и верные ответы на важнейшие вопросы человеческого существования. Можно со всей определенностью сказать, что сегодня спор между марксизмом и религией идет о природе нравственного достоинства человека, его морального идеала. Эта проблема весьма остро ставится в современных условиях самой жизнью.

Всему миру известны факты насилия, репрессий и убийств, вопиющей социальной несправедливости, отсутствия элементарных человеческих прав у миллионов людей на Земле — словом, бесконечного перечня преступлений, источником которых является современный империализм. Одно из самых страшных его порождений — гонка вооружения, угроза ядерной мировой войны, грозящей уничтожением всему человечеству.

Перед опасностью подобной угрозы особенно убедительно раскрывается высокий гуманистический смысл мирных инициатив, с которыми постоянно выступают Комму-

---

[1] Я — атеист. М., 1980, с. 42.

[2] *Брежнев Л. И.* Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1, с. 495.

нистическая партия и Советское правительство. Очередное свидетельство тому — новые конкретные мирные предложения, выдвинутые в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду нашей партии. Внешнеполитическая деятельность партии и государства проникнута подлинной заботой о спасении человечества от возможного ядерного пожара. **«Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты.**

Отстаивая мир, мы работаем не только для ныне живущих людей, не только для наших детей и внуков; мы работаем для счастья десятков будущих поколений»[1].

Проблемы войны и мира волнуют сегодня и многих религиозных деятелей, и широкие массы верующих, искренне озабоченных судьбой человечества. Естественно возникает вопрос о причинах угрозы миру и прогрессу. Отвечая на него, религиозные идеологи неспособны дать объективный анализ сложной международной обстановки и не идут далее абстрактного морализирования, рассуждений о первоочередной необходимости внутреннего перерождения человека, которое само по себе приведет к гармонии отношений между классами, странами и народами.

В отличие от религиозных и иных ненаучных идеологий марксизм-ленинизм, отвергающий всякую веру в сверхъестественное, в деле защиты мира демонстрирует реальный гуманизм, подлинное человеколюбие, выдвигая предложения, которые находят признание не только среди коммунистов во всем мире, но и среди широких масс верующих людей.

Утверждение духовных идеалов социалистического общества происходит в обстановке острой идеологической борьбы. Как клерикальная антикоммунистическая пропаганда, так и буржуазные идеологи антикоммунизма избирают атеистическую нравственность социалистического

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

общества объектом для нападок и извращений, много говорят о бездуховности социалистической культуры и морали, рассматривая при этом религиозную веру как основу полноты духовной жизни человека, как опору нравственного миропорядка. Борьбу вокруг понимания природы и сущности нравственного идеала отнюдь нельзя оценивать как случайное и малозначимое явление. Ведь именно представления о нравственно совершенном человеке являются конденсированным выражением общих тенденций социального развития, общественного идеала в целом. Таким образом, борьба за нового человека, за коммунистическую нравственность в теории и на практике означает борьбу за утверждение исторической правды, за реализацию многовековых стремлений человека к внутреннему духовному богатству и гармонии человеческих взаимоотношений.

Атеистическое воспитание представляет собой неотъемлемую часть всего процесса формирования нового человека. Этому направлению идеологической деятельности наша партия всегда уделяла неослабное внимание. Так, постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» обязывает все партийные комитеты «разработать и осуществить конкретные меры по усилению атеистического воспитания. Повысить ответственность коммунистов в борьбе с религиозными предрассудками».

Пропаганда научных знаний о религии требует особого внимания, когда речь идет о воспитании молодежи. Молодые люди иногда не понимают важности для современного человека многих вопросов, связанных с проявлениями религиозности, с оценкой исторической роли религии и церкви. В связи с этим можно привести очень правильное высказывание выдающегося советского педагога В. А. Сухомлинского: «Без понимания религии невозможен настоящий атеизм. А без атеизма, без настоящего свободомыслия невозможна коммунистическая идейность, убежден-

ность в справедливости благороднейших идеалов человечества»[1].

Социологические исследования показывают, что господствующими и широко распространенными в общественном мнении являются атеистические взгляды. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные, в частности, в Ленинграде[2]. В то же время они показали, что нередко встречаются и неверные, ненаучные оценки религиозных идей. Видимо, в первую очередь это имеет отношение к оценке влияния религии на нравственное сознание, на повседневные отношения между людьми и в целом на нравственное развитие человека в историческом процессе.

Как показали исследования, большинство опрошенных считает, что религия играет отрицательную роль в воспитании нравственности. В то же время некоторая часть придерживается противоположной точки зрения. К этой категории относится около пятой части опрошенных, а около 5 процентов лиц, давших ответы на вопросы социологической анкеты, решительно высказались в пользу благотворного влияния религии на нравственное сознание. Ответы «религия иногда полезна, а иногда вредна», «религия не приносит ни вреда, ни пользы», «содействует нравственной устойчивости, но не в значительной степени и не всегда» были зафиксированы в 30 процентах анкет, заполненных представителями интеллигенции, в 20 процентах — заполненных рабочими и колхозниками и в 15 процентах — заполненных студентами[3].

В анонимных ответах студентов ряда факультетов ЛГУ имени А. А. Жданова на вопрос, предложенный автором этой брошюры об отношении к религии, встречаются порой высказывания, свидетельствующие о неверном пони-

---

[1] *Сухомлинский В. А.* О воспитании. М., 1975, с. 257.

[2] См., например: *Кобецкий В. Д.* Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л., 1978.

[3] См. там же, с. 77.

мании влияния религии на нравственность. Некоторые ответы были даны, например, в такой форме: «Религиозная вера — это фактор, который в какой-то мере формирует нравственное начало в человеке»; «Некоторые христианские заповеди очень ценны»; «Мне кажется, что религия как-то нравственно возвышает человека, очищает его»; «В целом влияние религии на личность гуманизирующее». Встречались ответы и такого рода: «Над вопросом, что такое религия и атеизм, какова взаимосвязь религии и морали, еще не задумывался, своей позиции не имею». За подобными ответами некоторых молодых людей, студентов высшей школы, явственно просматривается мировоззренческая незрелость, отсутствие атеистической убежденности и четких научно-атеистических представлений, равнодушие к актуальным проблемам человеческого существования. И хотя подобных ответов безусловное меньшинство, они настораживают, обращают внимание на недостатки атеистического воспитания и, конечно, указывают одно из направлений, в котором следует вести воспитательную работу среди молодежи по формированию четких научно-материалистических позиций.

Приведенные выше примеры представлений о влиянии религии на нравственность, на наш взгляд, в значительной мере являются стихийными, высказывания — не всегда продуманными. Психологию молодого человека могут характеризовать, с одной стороны, высокий эмоциональный подъем, поиски идеала и путей самоутверждения, а с другой — мировоззренческая неразборчивость, беспринципность в таких вопросах, как религия и атеизм. Такое сочетание может привести от некритического восприятия религиозных явлений к зарождению религиозности.

Председатель совета по научно-атеистической пропаганде при парткоме ленинградского завода имени М. И. Калинина В. В. Колганова по этому поводу замечает: «Не исключено: атеистически незрелая личность в такой период может найти временный выход в религиозных устрем-

лениях. Ибо религия — эта, по определению Маркса, «логика в популярной форме» — куда «легче» выстраданного научного знания, поскольку создает иллюзию познания мира и определенной нравственной ориентации. Как ни странно, особенно склонны к этому те, кто раньше относился к религии и атеизму с безразличием. За многие годы своей пропагандистской работы я убедилась в том, что они, безразличные,— основной резерв, пополняющий число самодеятельных лекторов, склонных порассуждать о парапсихологии, тайнах Бермудского треугольника или неопознанных летающих объектах» [1].

Справедливое высказывание. Там, где нет твердой опоры в собственных убеждениях, где нет «точки отсчета», складывается потенциальная предрасположенность к восприятию ложных жизненных ориентиров. Конечно, порой этому способствует какая-либо трудная жизненная ситуация (тяжелая болезнь, личное горе, одиночество и т. п.). Но при этом мировоззренческая незрелость, отсутствие собственных убеждений только облегчают обращение человека к религиозному утешению.

Нередко еще приходится встречаться с мнением, что спор между религией и атеизмом сводится к вопросу о том, есть бог или нет. В принципе это поверхностный и неверный взгляд на проблему. Представление о боге (о сверхъестественном) в религии является всего лишь инструментом, с помощью которого верующий человек определенным способом пытается решить свои насущные, болезненно острые жизненные проблемы.

«Пришло время,— пишет современный венгерский марксист Ласло Матраи,— не ограничиваясь демонстрацией отрицательной роли религии, показать во всю ширь, во всех деталях позитивную роль атеизма. Патетика атеизма как сферы притяжения высокого морального достоинства, о котором свидетельствует человек, сумевший победить страх

[1] «Смена», 1980, 9 янв.

и помогающий одолеть страх другим людям,— вот замечательная тема, теоретический анализ и практическая разработка которой стали возможными в нашем обществе благодаря результатам, достигнутым современной наукой. Это не значит, что в будущем мы сможем пренебрегать опровержением ложных идей, в том числе религиозных; это — естественный долг каждого человека, признающего научную концепцию мира. Вместе с этим мы можем и должны приложить гораздо больше усилий, чтобы всесторонне раскрыть эмоциональное богатство марксистского атеизма и социалистического гуманизма» [1].

К оппонентам, отрицающим самостоятельную ценность марксистского гуманизма, относятся религиозные проповедники, верующие люди, считающие, что вершиной нравственного совершенства, образцом человеколюбия выступает лишь евангельский Иисус Христос. Христианство — крупнейшая мировая религия. Поэтому целесообразно обратиться в наших рассуждениях к критическому рассмотрению того идеала человека, который сложился именно в этой религии. Это, конечно, не означает, что иные, например буддийские или мусульманские, представления о человеческом совершенстве, добродетели и счастье могут быть положительно оценены с точки зрения их социальной значимости и интересов подлинного освобождения человека. Любые религиозные представления о нравственном идеале антинаучны и являются мистификацией многовековых стремлений человека к душевной гармонии, к преодолению страданий.

В. И. Ленин в конспекте книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» писал: «Религия дает человеку идеал. Человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный». И далее В. И. Ленин привел высказывание Л. Фейербаха: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, от-

---

[1] «Вопросы философии», 1977, № 2, с. 100.

влеченное существо, а — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек»[1].

Проблема взаимоотношений религии и морали до возникновения марксистской мысли не могла быть представлена в истинном свете. Как в прошлом, так и сегодня союз религии и морали богословам и рядовым верующим представляется вечным, нерасторжимым, имеющим внеземное, божественное происхождение. «Вне религии не может быть нравственности», «Нравственные заповеди были даны человеку богом», «Совесть — это голос божий в человеке» — примерно так выглядят наиболее характерные суждения, выводящие мораль из религии. Однако «брак» морали и религии заключен был не на небе, а на земле — в лоне религиозного сознания, религиозной мысли. Представляемая богословием связь религии и нравственности не могла стать союзом равноправных партнеров и с самого начала характеризовалась наличием глубоких внутренних противоречий. К. Маркс в свое время отметил это: «Независимая мораль оскорбляет всеобщие принципы религии, а особые понятия религии противоречат морали»[2].

Мысль К. Маркса имеет важное методологическое значение. Не только в размышлениях богословов о внеземном источнике нравственного закона, но порой и в рассуждениях исследователей, дающих критический анализ так называемой «религиозной морали», понятия «мораль» и «религия» вольно или невольно смешиваются. В них не до конца раскрываются специфические различия этих явлений.

Мораль и религия — формы общественного сознания, каждая из которых имеет свой объект отражения и свойственным ей способом регулирует общественные отношения. Если религия заключает в себе господство над человеком враждебных ему природных и социальных сил, то

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 56.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч, т. 1, с. 13.

нравственность специфическим способом отражает диалектику взаимоотношений личности и общества, а в условиях классовых антагонизмов — прежде всего их противоположности.

Как религия, так и мораль — исторические общественные явления, имеющие объективные предпосылки своего возникновения и развития. В основе динамики духовной жизни общества лежит познаваемая человеком логика социального развития, экономической жизни. Главная тенденция этого процесса — постепенное социальное освобождение человека на основе развития материального производства и преодоления противоречий в общественной жизни. Однако путь этот долог и тернист. Тысячелетиями человек накапливал знания и силы, ошибался, жил иллюзиями, страдал, искал покоя и утешения, терпел поражения и одерживал победы, постепенно познавая мир и самого себя. К заблуждениям человеческого духа следует отнести религию, которая оказала и еще продолжает оказывать свое влияние на некоторые сферы духовной жизни общества.

Своими истоками религия уходит в далекую первобытную эпоху, где она зарождается сначала как иллюзорный компенсатор социального бессилия человека перед грозными и опасными силами природы. Постепенно осваивая природный мир, человек чувствовал себя все более свободно и уверенно. Однако религиозные иллюзии не исчезали, они видоизменялись, становились более сложными потому, что общественная потребность в них продолжала существовать уже в изменившихся социальных условиях.

С возникновением классовых противоречий и их обострением человек все болезненнее стал сознавать глубокую неудовлетворенность жизнью. Росла тоска по идеалу, стремление к подлинно человеческим взаимоотношнеиям, равенству, братству, любви. Поиски угнетенными массами жизненной правды и справедливости не выходили, как правило, за рамки религиозного утешения. В полной мере это отразилось в христианском представлении об «истинной

жизни» на небе, о Христе как образце для человека в его стремлении к гармонии.

Прекрасные по ясности мысли о религии принадлежат К. Марксу, который писал: *«Человек создает религию,* религия же не создает человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но *человек* — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека,* государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение,* ибо сами они — *превратный мир.* Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur[1], его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира,* духовной *усладой* которого является религия»[2].

Если религия была порождена социальным бессилием человека и закрепляла его, то роль, которую играла мораль в прошлом и играет в настоящем, можно сформулировать несколько иначе — это регулирование социального поведения человека с помощью понятий, норм, идеалов, фактически закрепляющих представления об определенном соотношении личного и общественного интересов. Моральное сознание оперирует специфическими для нравственности понятиями, такими, как «добро», «зло», «совесть», «долг», «вина» и т. д. Исторический характер морали подтверждается тем, что не существует единых, неизменных, имеющих значение для всех времен и народов представле-

---

[1] Вопрос чести (*франц.*).
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 414—415.

ний о добре и зле, равенстве, справедливости, долге. В книге «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс писал: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому»[1]. Это, конечно, не означает, что не существует твердых объективных критериев для оценки моральных идей и представлений с точки зрения их значимости для действительного духовного и материального освобождения человека, для достижения им подлинного счастья.

Таким объективным критерием для оценки моральных представлений и идеалов является характер тех общественных отношений, утверждению которых данные нравственные воззрения способствуют. Сложность и несхожесть различых нравственных ориентаций и идеалов в классовом антагонистическом обществе свидетельствуют о сложности и противоречивости тех общественных отношений, в которых зарождаются и существуют нравственные воззрения. Ф. Энгельс отмечал, «что люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»[2]. А классовое положение, скажем, у раба и рабовладельца или рабочего и капиталиста весьма существенно отличается. Там, где меньшинство живет за счет огромного большинства, не может быть единого для всех представления о жизненном идеале, о равенстве и справедливости. «Мы,— писал Ф. Энгельс,— ...отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверж-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 94.
[2] Там же, с. 95.

даем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных»[1]. В морали отразились проблемы отношения человека к человеку, сочетание личного и общественного. Это весьма тесно связано с тем, что нравственной оценке человек подвергает практически все факторы своей жизнедеятельности, все реальные ситуации взаимоотношений.

Нравственное сознание не только оценивает мир человека, исходя, например, из данных представлений о добре и зле, но и является ориентиром в определении близких и далеких жизненных целей. Нравственный идеал может побуждать людей к подлинному человеколюбию, к борьбе за счастье, к защите обездоленных и несчастных, то есть к социально прогрессивному коллективизму, взаимопомощи, но может также увести в мир иллюзий, эгоизма, отказа от действительной борьбы со злом или даже к человеконенавистничеству.

Мораль и религия — это качественно различные способы регулирования социального поведения человека, порожденные различными аспектами его общественного бытия.

Так же, как в морали, в религии выдвигается идеал человеческой жизни, большое внимание уделяется самосовершенствованию личности, воспитанию определенных качеств, которые необходимы для успешного следования по пути «добродетели» и борьбы с «пороком». Религиозная «наука жизни» широко оперирует сугубо нравственными понятиями (добро, зло, долг, совесть и т. п.). Однако это

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 95—96.

сходство между моралью и религией по ряду внешних признаков не должно вести к смешению этих явлений, в частности в понятии «религиозная мораль». Для того чтобы показать неосновательность претензий теологии на поглощение нравственности, следует выделить специфику религиозной и нравственной норм как средства регулирования социального поведения человека. Специфика социальных норм заключается в том способе, каким достигается их использование отдельным индивидом. Нравственная регуляция отнюдь не тождественна религиозной. Способ освоения сознанием нравственной нормы в принципе отличается от способа освоения нормы религиозной.

Следование нравственной норме основано на свободном выборе между добром и злом. Следование нравственному требованию, долгу для индивида не мотивировано никакими соображениями внешней целесообразности, пользы, не рассматривается как необходимое условие для достижения какого-то практического результата, награды и т. п. Добро для нравственного сознания есть ценность сама по себе, добро творится ради него самого. Это не значит, конечно, что представления о добре являются отвлеченными, абстрактными и не связанными с той или иной социальной обстановкой, классовыми, общественными интересами.

В нравственной регуляции отсутствует механизм внешнего принуждения. Это принуждение в морали проявляется как спонтанное волеизъявление, как следование голосу совести, как невозможность поступить иначе. Именно в этом специфическом характере мотивации следования нравственной норме и заключается своеобразие собственно морального фактора. В связи с этим следует вспомнить слова К. Маркса о том, что «*мораль* зиждется на *автономии* человеческого духа, *религия* же — на его *гетерономии*»[1].

В то же время моральные представления не могут быть оторваны от жизни и порождаются только конкретной со-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 13.

циальной обстановкой. За ними стоят реальные человеческие потребности, устремления, неудовлетворенные желания и идеалы. Чем более гуманным является содержание того или иного нравственного идеала, тем более возвышенные и благородные идеи он в себе заключает. И этот гуманистический смысл моральных идей должен быть обязательно виден и понятен, иметь для людей огромную притягательную силу. Действительным человеколюбием отличался нравственный идеал коммунистов. А. В. Луначарский в лекции на тему «Почему нельзя верить в бога» говорил: «Если вы спросите христианского мученика: „Почему пошел ты на страдание?", он скажет: „Я хотел приобрести венец мученичества", а революционер скажет: „Потому что я люблю людей". И тогда судите, кто из них святее и чье миросозерцание выше»[1].

Греческий коммунист Никос Белояннис, приговоренный фашистским судом к расстрелу, перед смертью сказал своим палачам: «Христиане шли на смерть и муки в надежде завоевать себе вечное блаженство на небе, в то время как коммунисты отдают свою жизнь, не ожидая ничего получить взамен... Они отдают свою жизнь, чтобы для человечества настали лучшие, счастливые времена»[2].

Служение обществу, забота о людях, преданность делу коммунистического строительства и твердость духа — таковы черты многих наших молодых современников.

Секретарь горкома комсомола г. Нижнеудинска Иркутской области Василий Капустин в трагической для себя ситуации проявил коммунистическое отношение к жизни, к людям. Вот строки из его дневника: «Вчера я узнал случайно: мне осталось очень мало жить. Врач сказал: „Год-два". Передо мной сейчас два пути:

1. Бросить все и беречь свое здоровье.

---

[1] *Луначарский А. В.* Марксизм и религия. М., 1971, с. 26.

[2] Цит. по кн.: *Прокофьев В. И.* Коммунистическая и религиозная этика о смысле жизни. М., 1973, с. 20.

2. Продвигать в молодежь идеи активности, добиваться улучшения работы комсомола по предприятиям и колхозам... Второе мне ближе». О высоконравственной жизненной позиции Василия Капустина рассказал журнал «Молодой коммунист» (1966, № 5). Подобные примеры раскрывают высокий дух коммунистической морали.

Но является ли нравственным в собственном смысле слова выполнение религиозных заповедей?

Обусловленность так называемой «религиозно-нравственной» нормы идеей бога, сверхъестественная санкция «религиозной морали» лишает ее собственно нравственного содержания. Следование религиозной норме основано не столько на свободном самоопределении в выборе заповеданного богом «добра», сколько, во-первых, на стремлении путем исполнения божественных заповедей достичь вполне практического и желанного результата — спастись, обрести загробное блаженство и, во-вторых, на страхе перед карой божьей в случае неисполнения заповеди. Причем этот страх богословами оценивается положительно и рассматривается как необходимый фактор религиозного мироощущения. Так, например, один из современных богословов русской православной церкви в боязни угрозы наказания за грехи видит одну из ступеней духовного развития человека («Богословские труды», сб. 10, с. 172—173). В данном случае страх, как и обусловленность религиозной заповеди «авторитетом» бога, являются совсем не свойственными для нравственного сознания мотивами следования нравственному требованию. Более того, подобные мотивы совершенно чужды специфике нравственной регуляции.

Из того факта, что религиозные требования и нормы воспринимаются сознанием человека как «религиозно-нравственные» либо как «нравственные», что совесть понимается как «голос божий», отнюдь не следует, что они смешиваются в действительности. Мораль под эгидой религии нельзя рассматривать как мораль в собственном смысле этого слова. Понятие «религиозная мораль», употребляемое

в научной, философской литературе, является весьма условным и внутренне противоречивым.

«Брак» морали и религии оказался незаконным, ибо он допускает насилие и фальсификацию. Вершиной посягательств религии на мораль явилось объявление совести — основы морали — «голосом бога в человеке». В этом — одно из наиболее ярких проявлений религиозного самоотчуждения: совесть — наиболее глубокое, интимное и собственно человеческое чувство — отчуждается у него, объявляется ему не принадлежащим, данным ему богом. Если же столь часто слышны бывают рассуждения о нравственной ценности религии, о религиозно-нравственном идеале и т. п., то следует иметь в виду, что подобные понятия весьма условны по объективному отражению в них известных явлений.

Религия, «как общая теория этого мира», по выражению К. Маркса, неизбежно должна была включить в себя и отразить складывающиеся в обществе нормы взаимоотношений между людьми, правила поведения и жизненные ориентации. Но далеко не всякие правила поведения имеют отношение к нравственности, сфера которой определяется, как уже отмечалось, особым способом выполнения человеком соответствующих нравственных норм. Религиозные и нравственные нормы отличаются друг от друга по способу их усвоения индивидом, восприятия их как руководства к действию. В этом отличии — причина взаимной неуживчивости религиозной и нравственной мотивации, их взаимного противостояния, стремления вытеснить, заменить друг друга. Мораль в собственном смысле этого слова не может являться неотъемлемой частью религии, и всякие попытки религии поглотить ее лишают последнюю собственно нравственного своеобразия. Иначе говоря нравственность должна быть безрелигиозной, в этом необходимое условие ее существования и развития.

Таким образом, мы пришли к выводу, что мораль может быть только атеистической. Атеизм выступает как

принципиальный аспект, характеризующий отношение морали к религии. Научно-атеистическое миропонимание неразрывно связано с нравственными воззрениями и нравственным идеалом, свободными от каких-либо религиозно-богословских извращений.

Евангельское «учение» о человеке

Распространяемая в течение сотен лет идея о том, что источником нравственности является бог, что мораль зародилась и может развиваться только в лоне религии, отразилась не только в сознании верующих, в религиозной литературе, но и в идеологической философской мысли. Представляется оправданным рассматривать такие понятия, как, например, «христианский нравственный идеал» или «христианская нравственность» не как действительное отражение в них нравственного начала в религии, но как порожденную религиозной мыслью интерпретацию собственно религиозных заповедей и представлений о человеческом совершенстве. В. И. Ленин в свое время заметил, что «христианство из *морали* сделало бога, создало *морального бога*»[1]. В этой характеристике подчеркнуто стремление христиан представить свой жизненный идеал как идеал нравственный. Сам бог предстает как нравственное совершенство. Учитывая условность сочетания в одном понятии слов «религия» и «мораль», имеет смысл охарактеризовать отражение в религии, в ее историческом развитии тех проблем человеческого существования, взаимоотношений людей друг с другом, которые и породили так называемые «религиозно-нравственные» ценности.

Становление как нравственного, так и религиозного

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 54.

сознания происходило в процессе социального развития на основе усложняющейся практической деятельности человека. С кризисом первобытнообщинных отношений и развитием классовых противоречий этот процесс резко ускорился. Для морали этот фактор человеческого сознания явился необходимой предпосылкой различения добра и зла, формирования совести как сугубо интимного качества самооценки поведения и намерений человека. В религии же эта способность отразилась в противопоставлении земной жизни — загробной, в осознании несоответствия фактического поведения человека требованиям божественных заповедей, в формировании сознания «греховности». Но процесс этот растянулся на тысячи лет.

Марксизм всегда выступал за историзм, то есть за рассмотрение всякого общественного явления от момента его зарождения до развития и становления. Мораль — очень сложное явление духовной жизни. Она явилась результатом длительной общественной эволюции, усложнения социальных связей и экономических отношений. Для становления нравственного сознания должны были не только сложиться соответствующие социальные условия, но и созреть гносеологические предпосылки. В первобытном обществе и то и другое находилось еще в зачаточном состоянии.

Первобытный человек в своем сознании населял мир бесчисленными сверхъестественными существами — духами. Конечно, религиозные представления той далекой эпохи вплетались в практику взаимоотношений между людьми, но в несравненно большей степени они проявлялись в отношениях человека с природным миром.

Главным атрибутом духа, а затем божества выступала сила, которую надо было расположить к себе. Критическое отношение к действительности еще не получило своего развития и поэтому не могло отразиться в религиозных представлениях. Проблема жизненного идеала еще не возникла. Понимание идеального развивалось постепенно. От седой древности до сегодняшнего дня понятие идеала

все в большей мере выражало именно гуманистические проблемы. «Идея возвышенного,— пишет советский ученый А. В. Гулыга,— менялась вместе с человеком, все более наполняясь нравственным содержанием... Злобный, мстительный разрушитель Иегова (бог древних евреев.— *С. К.*) уступил место всеблагому богу христианства. Мифологических героев древней Эллады социальные проблемы мало волновали. Герой в современном понимании — человек, служащий человечности. Нет величия там, где нет истины и добра,— в XX веке это стало аксиомой» [1].

Следующим этапом развития человеческого самосознания стал распад рабовладельческих отношений, резкое обострение классовых противоречий. Как нравственному, так и религиозному сознанию был дан сильный толчок для развития. Разрыв между интересами личности и общества остро и болезненно отражается в сознании человека в виде мучительных переживаний от несоответствия между долгом и личными склонностями, голосом совести и сознанием собственной беспомощности.

Острая неудовлетворенность собой и всем миром выдвигает на первый план в массовом сознании проблему «настоящей», правильной жизни, проблему жизненного идеала. С наибольшей полнотой эта проблема в превратной, мистифицированной форме в первые века нашей эры была выражена в христианстве.

К. Маркс и Ф. Энгельс в книге «Святое семейство» указывали на психологические истоки «теологической морали», которая «покоится на сознании человеческой слабости» [2]. Христианский идеал совершенной личности порожден социальным бессилием человека, с одной стороны, а с другой — сам является его воплощением. Бессилие в борьбе со злом, бессилие — в утверждении естественным путем своего человеческого достоинства. Беспомощность и сла-

---

[1] *Гулыга А. В.* Искусство истории. М., 1980, с. 64.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 219.

бость характеризуют и нравственные усилия человека классового общества в его борьбе с пороком. «*Мораль* — это „*бессилие в действии*"» — такое выражение Шарля Фурье К. Маркс и Ф. Энгельс приводят в «Святом семействе» и далее замечают: «Всякий раз, как только она вступает в борьбу с каким-нибудь пороком, она терпит поражение»[1]. Именно факт поражения добродетели и торжества порока нередко давал толчок поискам санкции моральных норм вне реальных взаимоотношений между людьми, в сверхразумной, сверхъестественной сфере.

Причина этого заключалась в том, что распространенная в антагонистическом обществе мораль выражала интересы господствующего класса, то есть интересы меньшинства. В таких условиях представления о должном, о добре являются собирательным выражением антагонистических классовых отношений, и торжество «добродетели» лишь закрепляет разделение общества на угнетателей и угнетенных.

Понятно, что нравственная норма выступает здесь средством общественного принуждения. И поскольку представления, сложившиеся в морали классового общества, вызывали внутреннюю сопротивляемость индивида, то эта мораль нуждалась во внешней санкции. Защитой и оправданием господствующих нравственных идеалов и стала ее религиозная санкция, которая подрывала самую суть собственно нравственного начала.

Непонимание механизма нравственной регуляции, непонимание того, почему человек, следуя голосу собственной совести, поступает в ущерб своим действительным интересам, подводило его к принятию идеи бога как таинственного, недоступного разумению источника нравственных идей.

Освободить мораль от религиозных извращений смогло лишь мировоззрение пролетариата. Пролетариат не нуж-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 219.

дается ни в каких социальных иллюзиях, в том числе и религиозных, относительно своего положения и своей исторической миссии. Его интересы совпадают с объективным ходом общественного прогресса. Если социально-психологические предпосылки христианского идеала жизни остаются в прошлом вместе с уходящим с исторической арены типом социальных отношений, их породивших, то коммунистический нравственный идеал, опирающийся на атеистическое миропонимание, устремлен в завтрашний день. Этот идеал стимулирует, организует гигантскую работу миллионов граждан социалистического общества и, говоря словами Ф. Энгельса, «в настоящем представляет интересы будущего».

Во имя утверждения этого идеала и необходимо критически исследовать дух христианского мироощущения, дать ему оценку с точки зрения действительного гуманизма. Критике подлежат те религиозные идеи, которые находятся в центре внимания богословия, то содержание, которое вкладывается в известные положения Библии самими представителями церкви. Марксистский подход к явлениям духовной жизни позволяет раскрыть объективный механизм их возникновения и предполагает анализ социальных условий, порождающих тот тип общественной психологии, на основе которой формируются основные положения религиозной идеологии.

Определенное влияние на христианство оказал иудаизм. Ряд положений Ветхого завета в Новом завете получает иную редакцию, более сложное толкование. Это относится, в частности, к десяти заповедям, которые по сей день рассматриваются богословием как основа межчеловеческих отношений: «не убий», «не кради», «не прелюбодействуй», «чти отца своего и мать свою» и т. д. Совершенно очевидно, что заповедь «не убий» была необходимым требованием, обеспечивающим жизнеспособность человеческого коллектива. Нормы общежития людей были рождены самой жизнью и сложились задолго до того, как они получили в

религии превратное толкование — были объявлены вечными и неизменными, данными человеку богом.

В классовом обществе эти заповеди выражали и закрепляли отношения социальной несправедливости. Так, заповедь «не кради» призвана была удержать неимущих от посягательств на собственность угнетателей. Однако история религии показывает, что церковью эти заповеди вовсе не воспринимались как нечто неизменное, обязательное для исполнения, а толковались в зависимости от конкретных условий и своих собственных интересов. Заповедь «не убий» никогда не имела для церкви абсолютного значения — крестовые походы, преступления инквизиции, поощрения захватнических войн и расправа с революционными силами — факты истории. Утверждение богословов о том, что все это явилось результатом извращения отдельными служителями церкви и мирянами гуманных библейских идей, не может быть весомым аргументом. Подобные рассуждения являются вариацией на тему о «достоинстве христианства и недостоинстве христиан» и свидетельствуют лишь об апологетических заботах богословов.

Некоторым ветхозаветным заповедям в Новом завете дается сугубо христианское толкование, и они вписываются в общий психологический и идейный фон евангельских поучений.

Общепризнано, что наиболее ярким выражением «нравственной доктрины» Христа является его Нагорная проповедь, основу которой составляют так называемые заповеди блаженства. Эти заповеди состоят из двух частей. В первой части провозглашаются те жизненные ориентации, состояния, черты мироощущения, которые имеют высокую ценность перед богом. В другой — указывается награда, которая ожидает человека за их соблюдение. Воссев на горе, Христос обращается к своим ученикам и к народу: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное; Блаженны плачущие, ибо они утешатся; Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю; Блаженны алчущие и жажду-

щие правды, ибо они насытятся; Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут; Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят; Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное; Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Матф., 5; 3—11).

Эти заповеди характерны прежде всего тем, что они указывают тот круг людей, которые якобы предпочтены богом перед всеми остальными. Это — «нищие духом», «кроткие», «милостивые» и «чистые сердцем», «алчущие и жаждущие правды», «изгнанные за правду». Нет никаких сомнений, что проповедь Христа обращена к униженным и оскорбленным, бесправным и преследуемым. Эти евангельские строки ясно указывают ту социальную среду, в которой зародились христианские идеи. Христианство возникло как религия страдания, религия души, страждущей покоя, любви и не находящей этого в мире жестокости и грубой силы. Христианство хочет «осушить слезы человечества». Но каким образом, какой надеждой? Мир утешить не может, так как он есть ложь и грех. Значит, спасти должна надежда на бога: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаеваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем...» (2 Кор., 4; 8—9).

Дореволюционное русское православное богословие, тесно связанное с правящими классами Российской империи, резко выступало против такого толкования заповедей блаженства, в котором «плачущие», «алчущие и жаждущие правды» понимались бы как гонимые и преследуемые в социальном смысле, как представители угнетенных классов. Это вполне соответствовало официальной позиции церкви, суть которой выражалась в апологии частной собственности, в признании вечности и незыблемости социального неравенства. Богословское толкование «алчущих и жаждущих правды» как людей, ищущих правды нечеловеческой, неземной по своему происхождению, не отрицает,

а лишь подчеркивает объективные истоки христианской психологии, в основе которой лежит убеждение в отсутствии правды в реальном мире угнетения и наживы. Богословием правда понималась как следование закону бога, как стремление к сверхъестественному идеалу, который сам есть отрицание законов и реальности этого негодного мира.

В толковании ряда положений Ветхого завета подчеркивается необходимость следовать заповедям не формально, но быть предрасположенным к ним внутренне — душой, сердцем. «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьет, подлежит суду (Исход, 20; 13). А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» (Матф., 5; 21—22). «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб (Исход, 21; 24). А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф., 5; 38—39). «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего (Левит, 19; 17—18). А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...» (Матф., 5; 43—44).

В Нагорной проповеди зафиксированы важнейшие черты христианского мироотношения, из которых в первую очередь обращают на себя внимание идеи непротивления злу и любви к врагам. Столь необъяснимые на первый взгляд и чуждые здоровому чувству человеческого достоинства представления возводятся в ранг высших христианских ценностей и, освященные авторитетом бога, приобретают обязательную силу для каждого христианина.

Традиционное христианство утверждает, что всякое насилие есть зло и, кроме зла, ничего породить не может. Непротивление злу и любовь к ближнему, в том числе и к своему врагу,— вот простые истины евангельского учения Христа, восприняв которые можно якобы возродить человека к добру и создать идеальное сообщество людей.

В рассказе Л. Н. Толстого «Фальшивый купон» показано, как мелкое мошенничество двух гимназистов, подделавших купон с целью увеличения его денежной стоимости, рождает новые формы зла — тяжелые преступления, убийства, калечит судьбы многих людей. И как закоренелый убийца перерождается, восприняв сердцем учение Христа о непротивлении злу и любви к ближнему. Сам Л. Н. Толстой искренне верил в гуманистическую силу евангельского учения. Однако говорить о тщетности надежд на всесилие евангельских идей излишне. В социальном плане эти идеи оказались совершенно бесплодными. Христианство, писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии», «не идет дальше пустой, практически безрезультатной моральной заповеди»[1].

Примирение со злом порождено невозможностью реально ему противостоять. Тогда возникает превратная логика религиозного сознания, которое в бессилии стремится видеть силу, в страдании, которого не избежать, начинает искать великий смысл и даже радость, в самоуничижении — внутреннее удовлетворение.

В какой-то мере эта логика сходна с рассуждениями лисы в известной басне И. А. Крылова «Лиса и виноград»: хорош и желанен виноград, но он недоступен, так как висит слишком высоко. И лиса заключает, что виноград зелен и не стоит о нем сожалеть.

Одна из евангельских заповедей, данных якобы Христом,— заповедь любви: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею: вот первая заповедь. Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Марк, 12; 30—31). Существенным обстоятельством здесь является то, что любовь к человеку подчинена любви к богу. За призывами любви к ближнему видится не просто сентиментальный

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 244.

порыв, но сильное эмоциональное состояние. Христианская любовь возводится в абсолютный принцип человеческих взаимоотношений, в высший закон человеческого общежития.

Злу, неправде, отчаянию противопоставляется единственное «орудие» униженного и бесправного — любовь. Любовь, не знающая исключений, любовь и к гонимым и к гонителям. Каким бы противоестественным ни казался евангельский призыв любить врагов, он имеет свое социально-психологическое объяснение. Такая любовь есть своего рода уловка сознания. Противопоставление любви злу и насилию дает субъективное сознание внутреннего душевного превосходства над гонителем. В то же время в христианском понимании любви проявилось действительное отсутствие братства, взаимопомощи и уважения — всего того, в чем общество угнетения отказывало огромному большинству.

Основная идея в христианском «учении» о человеке — идея «греховности». Догматическим ее основанием является библейский миф о «грехопадении» Адама и Евы. С этим мифом связан христианский догмат о «первородном грехе», суть которого сводится к тому, что всякий человек, входящий в мир, несет на себе роковую печать падения прародителей и не располагает собственными силами вернуться к богу, обрести утраченное некогда с ним единство. С момента «грехопадения» жизнь человека проходит в постоянной внутренней борьбе, в мучительном колебании между предписанным богом «добром» и «пороком».

Христианство в фантастической форме отразило внутреннюю раздвоенность человека, его борьбу между велениями долга и личными склонностями. Мы уже говорили о том, что эта духовная коллизия была порождена объективными причинами — антагонизмом между общественными и личными интересами. «Грех есть беззаконие», — говорится в Новом завете. То есть грех есть нарушение закона, дан-

ного богом. Но за «божественным законом» скрывался закон жизни классового общества, которое во все времена ставило человека перед тяжелым выбором: идти или по пути самопожертвования или по пути самоутверждения, опираясь на собственные силы и борясь за собственное достоинство.

Идея самопожертвования, самоограничения, подчинения личности обществу, угнетенных — угнетателям представлялась классовой моралью как истинная, имеющая высшую нравственную ценность. Эта идея освящалась именем бога, что имело, конечно, немалое значение для ее укрепления в условиях высокой религиозности масс. Обратная же сторона этой альтернативы — защита личности перед насилием, утверждение прав человеческой личности и человеческого достоинства той же моралью господствующего класса — осуждалась как эгоистическая, порочная, противная богу. Внутреннее единоборство между «велениями бога» и личными устремлениями явилось для человека психологическим подтверждением истинности догмата о «первородном грехе», повествующего о той «порче», которую якобы несет в себе каждый со времен «грехопадения».

Отказ от греха в обыденном смысле мог быть уделом лишь единичных подвижников, рвущих естественные связи с миром, аскетов, подавляющих свои «греховные» плотские желания. Не случайно стремление выйти из сферы «греховных» соблазнов означало на деле уход от мира, из общества, которое ставило человека перед неизбежностью греха. Идея греха, доведенная до логического конца, означала погашение самой жизни, ибо любое проявление человеческой жизнедеятельности, телесное и духовное, неизбежно в конечном счете осуждалось как «греховное».

В человеке борются два начала, учит христианство. Душа человека якобы дана ему богом и стремится к нему. Тело же является средоточием «греховных» страстей и постоянно влечет человека к духовной гибели. Один из отцов

христианской церкви Августин призывал: «Умирай, чтобы не грешить».

С представлением о «греховности» человека теснейшим образом связана христианская мистификация идей зла и добра. Вся история человека после «грехопадения» сводится к постепенному возвращению его к богу. Человек, мол, сам виновен в том, что его земная история сложилась так, а не иначе. Поскольку высшая цель человека и высшее благо — бог, то вся иерархия ценностей, которые предлагает христианство, ориентируется на это внеземное, сверхъестественное начало, и все земные связи и отношения между людьми рассматриваются через призму их религиозных толкований и идеи служения богу. «Добро» по-христиански — это все то, что способствует осуществлению религиозного жизненного идеала, деятельность, которая связана с «исполнением божественных заповедей». «Зло» же — все то, что не согласно с велениями всевышнего. Причина всех несчастий человека заключается в «греховных» побуждениях его сердца, в уклонении от бога. Основной путь борьбы со злом — борьба христианина с самим собой, путь индивидуального самосовершенствования и воплощения в жизнь евангельских «добродетелей». Человек рассматривается как абстрактное начало, не изменяющееся с течением времени, как носитель глубоких «порочных» наклонностей, вне его реальных связей и отношений с внешним миром.

Христианство не может преодолеть пессимизм в оценке возможностей человека, ибо оно само постоянно воспроизводится в сознании людей именно на основе психологии пессимизма, отчаяния, ощущения беспомощности и разочарования в жизни. Христианский оптимизм, о котором так много пишут богословы, основан не на убеждении в больших возможностях самого человека, а на религиозной вере во всесильную помощь бога. Гуманистические по своим побуждениям движения души — сострадание к ближнему, боль за горе мира и т. п. оборачиваются в христиан-

стве псевдогуманизмом, ибо на деле ведут не к борьбе со злом, а к примирению с ним.

Христианские «добродетели» и современность

Мы рассмотрели некоторые принципиальные черты христианского мировосприятия, отношения к жизненному идеалу. Этот идеал порожден вполне определенным социальным опытом, который выражается в разочаровании жизнью, в осознании человеком своего бессилия — сделать жизнь достойной высоких человеческих устремлений к миру, справедливости, братству. Там, где сохраняются классовые антагонизмы и неравенство, где человеческая личность подвергается насилию и дискриминации, где общество не выдвигает достойных идеалов, отвечающих глубоким жизненным интересам, где дискредитируются идеи правды и справедливости, возникают различные оттенки той психологии, при которой человек может склониться к восприятию религиозных идей, искать религиозного утешения.

В целом религия сегодня переживает кризис в мире. В первую очередь это связано с достижениями социального прогресса — успехами социалистического и коммунистического строительства. Самоутверждение и развитие человеческой личности в условиях социалистического общества основано на научном мировоззрении, на создании человеком объективных материальных предпосылок, удовлетворяющих его стремление к подлинно гуманистическим отношениям между людьми.

Идеи социализма привлекают сегодня и многих верующих. В нашей стране подавляющее большинство религиозных организаций однозначно перешло от противостояния социалистическому государству к лояльности и поддержке

его внутренней и внешней политики. Главная причина этих новых социально-политических тенденций в деятельности церкви в том, что социальная политика социалистического государства получила признание и поддержку у основной массы верующих граждан.

Многие актуальные проблемы современного мира — борьба против угрозы новой войны, за разоружение, за социальный прогресс и национальную независимость, против преступлений империализма — интенсивно осмысливаются современными богословами. Конечно, на их отношение к острым проблемам современности существенное влияние оказывает то, в каких социальных условиях они действуют, интересы каких социальных кругов оказывают влияние на их политику.

Заметно определенное смещение акцентов в современном религиозном рассмотрении жизненных проблем. Сегодня традиционные христианские установки, идеи, рецепты применяются в решении актуальных проблем, стоящих перед современным человеком. Ряд положений евангельского христианства корректируется в духе времени. Проблема модернизации идеологии и практики христианских организаций становится одной из центральных для современного богословия. В целом, однако, эти модернистские тенденции не затрагивают самых главных, принципиальных положений христианского мировосприятия.

С одной стороны, раздаются призывы не оставаться равнодушным к различным проявлениям зла, оказывать помощь всем страждущим и нуждающимся, а с другой — призывы к смирению, ненасилию, противопоставление «соблазну материального благополучия» высоких духовных ценностей евангельских истин. «Семьи, терпящие нужду, не унывайте, не считайте достатка идеалом и богатства источником счастья, старайтесь с помощью всех пережить трудные времена в надежде на лучшие дни,— учит паству Иоанн Павел II,— учитесь смягчать свою боль надеждой».

Не менее выразительно высказываются и православные служители церкви. Рассуждая о высоком достоинстве человека, о его праве жить в мире и счастье, о ценности его земных трудов, они в то же время активно проповедуют традиционные христианские «добродетели» — смирение, беззащитность перед насилием и непротивление злу, всепрощение и самоотречение. «Победа над миром,— пишет «Журнал Московской патриархии»,— в беззащитности, гонимости, в страданиях, смерти». Не отказывается современное православие и от апологии страданий: «Важно понять, что страдания необходимы потому, что нет другого пути для очищения от грехов, кроме пути, указанного Спасителем и пройденного Им. Страдая, мы познаем свои немощи, свое бессилие и, молитвенно и покаянно смиряясь перед Богом, получаем помощь Божию и радость о Господе». Как можно убедиться, традиционные христианские «добродетели» отнюдь не потеряли для современных богословов своей актуальности, они и сейчас определяют христианские представления о человеческом совершенстве. Конечно, жизнь вынуждает церковь вносить в толкование евангельских истин коррективы. На волне религиозного модернизма ею «осваивается» прежде всего социальная проблематика, активно разрабатываются «богословие революции», «богословие национально-освободительного движения» и т. п. Признание, положительная оценка тех или иных событий, явлений новейшей истории (социалистическая революция, освобождение народов от колониального гнета, успехи науки и т. д.) — все это сопровождается активными попытками соединить новые для церкви взгляды с христианским «учением» о человеке, с христианской «этикой», которая в своей основе существенных изменений не претерпела.

Активное обращение церкви к социальным проблемам, признание высокой ценности труда человека для повышения общественного благосостояния, рассуждения богословов в современной проповеди о больших интеллектуальных

и творческих возможностях человека вовсе не означают, что он стал признаваться высшей ценностью.

Религиозное утверждение человека по-прежнему происходит окольным путем, через бога, через Христа. Поэтому своим величием, своими успехами человек якобы обязан богу, у него нет больших оснований для самоудовлетворения. Как и во все предшествующие века, пессимизм остается важнейшей чертой христианского взгляда на человека, на его природу, духовные и физические силы. Богословы и сейчас твердят о «бессилии создать гармонию жизни собственными силами». Учение о «греховности» человека безусловно сохраняет для церкви свое значение: «Мир страждет не от своего устремления к знанию и прогрессу,— пишет «Журнал Московской патриархии»,— не вследствие желания достичь господства над природой путем всестороннего развития материальных и духовных сил человека, но от эгоизма и нравственной испорченности».

Во взглядах на пути устройства идеальной жизни изменений тоже не произошло. «Как для человека возможно практически осуществить новый путь жизни?» — задает вопрос православный богослов и дает хорошо известный ответ: «Путь этот может быть только путем болезненного внутреннего пересоздания всего содержания душевной жизни». В другом месте тот же автор пишет: «Путем же, обеспечивающим действенность человеческих усилий, является смирение как постоянное сознание своего убожества и недостоинства и ожидание милости и помощи от одного лишь Божественного милосердия» («Богословские труды», 1974, № XII, с. 36).

Итак, озабоченность проблемами современного мира, готовность к их преодолению у современных церковных деятелей не идет в целом дальше морализирования с позиций абстрактного христианского гуманизма. Евангельское учение Христа рассматривается как «единственный путь к восстановлению идеальной человеческой жизни».

За коммунистическую нравственность!

Проблема Человека в ее субъективном, психологическом выражении, в глубоком и часто болезненном переживании несоответствия реальности мечте, велений совести и личных склонностей, в неудовлетворенности жизнью и поисках идеала была порождена объективными противоречиями между личностью и обществом. Все докоммунистические учения о человеке стремились преодолеть этот разрыв, но на деле приводили к тому, что поиски счастья, идеала сводились к колебаниям между самоотречением и эгоизмом, которые часто доходили до крайнего выражения. Подтверждением может служить христианская «наука жизни».

Только марксизм впервые в истории поставил вопрос о гармоничном сочетании общественных и личных интересов. Марксистский атеизм неразрывно связан с решением проблемы человеческого счастья. Коммунистический нравственный идеал имеет атеистический смысл и осуществляется в борьбе с различными религиозными иллюзиями.

Владимир Ильич Ленин резко выступал против буржуазных нападок на коммунистическую нравственность. В своей речи на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года он говорил:

«В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?

В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы...

Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем...

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»[1].

Именно поэтому коммунистический нравственный идеал воспринял те высокие представления и ценности, которые были выработаны в процессе борьбы народных масс против угнетения, за свободу и человеческое достоинство,— любовь к Родине, сотрудничество и взаимопомощь, честность и трудолюбие, мужество, героизм и высокую силу духа. Восприняв простые нормы нравственности и справедливости, коммунистическая мораль обогащается новыми принципами, новым содержанием, которое обусловлено исторической новизной самой задачи общественного развития — построением коммунистического общества.

«„Мое" и „наше"... Веками личный интерес утверждался как интерес узкий, частный, когда до общего человеку нет никакого дела. Социализм впервые стал прокладывать русло, чтобы слить два этих потока»[2]. Социалистическая революция, знаменующая переход от капитализма к социализму, представляет собой первый шаг на этом пути. В начале данного исторического процесса уничтожена главная причина всякой эксплуатации и социальной несправедливости — частная собственность, и тем самым началось движение к действительному преодолению пропасти между обществом и отдельным человеком. Социалистическая революция впервые в истории открыла реальную и объективную возможность фактического слияния личного и общественного интересов. Эта важнейшая черта социализма закреплена Советской Конституцией: «...Это — общество, законом жизни которого является забота всех о благе каждого и забота каждого о благе всех»[3].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 309, 313.

[2] «Правда», 1980, 24 февр.

[3] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 4.

Единство личного и общественного — путь к преодолению многовековых противоречий нравственного сознания, внутреннего разлада, когда следование нравственному долгу требовало самоотречения и насилия над личными побуждениями человека, выражавшими его глубокие жизненные интересы. «Коммунисты,— писал К. Маркс,— не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выспренной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой» [1].

Коммунизм — это всестороннее гармоническое развитие каждого, всех членов общества на основе высочайшего развития материального производства и формирования коммунистических общественных отношений. Коммунизм ставит задачу развития человеческих сил, которое, по словам К. Маркса, является самоцелью и может иметь место лишь в «царстве свободы». «Царство свободы,— отмечал К. Маркс,— начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [2].

Социализм — первая фаза коммунизма, необходимый этап социальных преобразований на пути перехода от капитализма к коммунизму. Совершенно безосновательны упреки западных пропагандистов в том, что социализм и коммунизм якобы полностью подчиняют личность обществу, нивелируют индивидуальность и т. п. В устах апологетов капитализма подобные выпады лицемерны, так как именно буржуазная действительность ежедневно попирает достоинство личности, отчуждает у человека плоды его

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 236.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 386—387.

труда, делает его безгласным звеном в гигантской машине эксплуатации, навязывает стандарты «массовой культуры» и мещанского потребительства.

Социализм не поглощает личность обществом, проявляет подлинную заботу о ее благе, о развитии всесторонних способностей, все более полном удовлетворении ее материальных и духовных потребностей.

В свое время А. С. Макаренко писал о новой социалистической действительности: «В нашу программу не входят ни отказ от желаний, ни голодное одиночество, ни нищенские реверансы перед жадностью соседей. Мы живем на вершине величайшего перевала истории, в наши дни начинается новый строй человеческих отношений, новая нравственность и новое право, основанием для которых является победившая идея человеческой солидарности. Маятники наших желаний получили возможность большого размаха. Перед каждым человеком теперь открывается широкая дорога для его стремлений, для его счастья и благополучия» [1].

По мере успехов коммунистического строительства, усиливающейся тенденции к единству личного и общественного следование нравственному долгу все более будет совпадать с личными желаниями и склонностями. А это — путь к внутренней цельности, к единству мысли и сердца, слова и дела. Не мучительный выбор между велениями совести и эгоистическими побуждениями, между стремлениями быть «добродетельным» и желанием быть счастливым, но утверждение такого порядка вещей, когда жить для других в то же время означает и жить для себя, в благе общества видеть свое собственное благо. Из сознания человека навсегда исчезнет убеждение в том, что удовлетворение своих потребностей возможно только за счет другого. Стремление к материальному благосостоянию, к творческому труду, образованию, культуре при социа-

[1] *Макаренко А.* Книга для родителей. Минск, 1976, с. 329.

лизме не совпадает с направлением всего общественного развития.

В отличие от коммунистического идеала религиозный идеал порожден социальной реальностью, за которой нет исторической перспективы. Он направлен в прошлое человечества и поэтому выражается в будущем загробном блаженстве, то есть не несет в себе позитивного гуманного, жизнеутверждающего начала и создает лишь иллюзию решения вечных проблем человеческого существования.

Коммунизм, марксистский атеизм, отрицая сверхъестественное устройство человеческого счастья, утверждает свой идеал уже сегодня и направлен в будущее. К. Маркс писал: «Атеизм, коммунизм это — вовсе не бегство, не абстракция, не утрата порожденного человеком предметного мира, не утрата принявших предметную форму сущностных сил человека, не возвращающаяся к противоестественной, неразвитой простоте нищета. Они, наоборот, впервые представляют собой действительное становление, действительно для человека возникшее осуществление его сущности, осуществление его сущности как чего-то действительного»[1].

Человеколюбие, освобожденное от религиозных надежд, только на основе материалистического понимания становится сильнейшим побудительным стимулом реальной деятельности на благо человека. Именно такой жизненной силой обладает коммунистический гуманизм. Верующие и богословы нередко говорят о том, что атеизм оставляет человека без всяких надежд, в одиноком отчаянии перед лицом неминуемой смерти, а религия утешает его убеждением в личном бессмертии за гробом, и в этом якобы одно из проявлений религиозного гуманизма. Недооценивать серьезности этой проблемы не следует. С утверждением атеистического миропонимания, марксистской концепции

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, с. 637.

личности неразрывно связано и наше понимание конечности индивидуальной человеческой жизни.

На наш взгляд, в процессе воспитания нового человека в литературе недостаточно внимания обращается на то, что отношение атеиста к неизбежности смерти требует высокого мужества, стойкости духа, тех черт мироощущения, которые порождаются только высокой идеей служения Человеку, дающей сознание полноты жизни, выполненного долга. История борьбы за коммунистические идеалы дает прекрасные образцы истинного человеколюбия, преодолевающего страх перед смертью.

Личность В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского и многих других коммунистов, героев революции — яркие примеры цельности коммунистического характера, единства убеждений и всей жизнедеятельности, примеры служения великой идее свободы и счастья человека. «Надо обладать внутренним сознанием необходимости идти на смерть ради жизни,— писал Ф. Э. Дзержинский,— идти в тюрьму ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе взятый из этой жизни великий, возвышенный гимн красоты, правды и счастья»[1].

Подражание таким ярким примерам внутренней цельности и нравственной чистоты может стать действенным средством самовоспитания. «Почему же позор тем, кто подражает? Нет, слава тем, кому подражают,— они работали на будущее»[2]. Эти слова В. М. Шукшина совершенно справедливы. Велика сила примера. Меняются поколения, а светлый образ борца за счастье людей продолжает воспитывать доброту и мужество. Самовоспитание... Каким стать, какой образец выбрать в жизни — эти вопросы, как правило, очень волнуют молодых людей. А советы, которые дают в таких случаях авторитетные, уважаемые люди,

[1] Мораль как ее понимают коммунисты. М., 1980, с. 145—146.
[2] *Шукшин В.* Нравственность есть Правда. М., 1979, с. 292.

на первый взгляд, выглядят так просто и буднично. Василий Шукшин, отвечая на письмо одного четырнадцатилетнего подростка, дал ему такие советы: «Знай больше других, работай больше других — вот вся судьба. Это нелегко, это на всю жизнь, но ведь и помним-то мы, и благодарны — только таким. Кто бы ты ни был — комбайнер, академик, художник,— живи и выкладывайся весь без остатка, старайся знать много, не жалуйся и не завидуй, не ходи против совести, старайся быть добрым и великодушным — это будет завидная судьба. А когда будешь таким,— помоги другим. Я знаю, как это нелегко, я, может быть, тоже размечтался... Очень хочется, чтобы это так и было»[1].

Сколько в этих простых словах жизненной мудрости, благожелательности и доброты! Слова эти приобретают высокий гуманистический и гражданский смысл, они обращены к юноше, живущему в социалистическом обществе. Ведь знать больше других, работать больше других, выкладываться во всем без остатка — это задача, возникшая не из желания эгоистического самоутверждения, не из стремления к личной выгоде, когда до других нет никакого дела. Она освящена желанием быть полезным людям, достойно служить обществу. Подобное отношение к жизни подтверждает известный вывод — коммунизм есть принципиальное единство личного и общественного интересов.

Сила социализма — в идее человеческой солидарности, в высоком социальном идеале, в чертах новой нравственности, которые так ярко проявились в трудные годы испытаний Великой Отечественной войны. Решающим фактором великой победы над врагом была непонятная нашим идейным противникам сила нравственного духа, порождавшая массовый героизм, готовность умереть ради свободы Родины и торжества жизни. Всему миру известен подвиг ленинградских коммунистов, о которых Ольга Берггольц писала в «Стихах о ленинградских большевиках»:

[1] *Шукшин В.* Нравственность есть Правда, с. 180—181.

Там они, где ближе гибель рыщет,
всюду, где угроза велика.
Не щадить себя — таков обычай
ленинградского большевика.

Коллективизм и взаимопомощь, верность своему гражданскому долгу, патриотизм, честный труд на благо общества — эти и многие другие черты социалистического образа жизни, новой морали характеризуют советское общество. Советский человек — прежде всего коллективист, и эта его черта является великим завоеванием человеческого прогресса на пути созидания коммунистического общества.

Западная буржуазная и клерикальная антикоммунистическая пропаганда в стремлении извратить и опорочить социальные и нравственные идеалы коммунизма, представить их несостоятельными очень часто аргументом в защиту своих позиций приводит негативные факты нашей жизни, недостатки воспитательного процесса, абсолютизируя их, выдавая за суть социалистической действительности, спекулирует на наших ошибках и просчетах. По этому поводу можно сказать следующее. Движение к коммунистическому идеалу — задача исключительной сложности, исторически новая, и решается она постепенно и не просто. Величие этого идеала — в его грандиозности и гуманизме. На пути к нему социалистическое общество достигло таких успехов, которые совершенно невозможны для буржуазных и религиозных «гуманистов». Старое общество оставило в наследство предрассудки, аморализм, отчуждение человека от человека, извратило представления о гуманизме и счастье. Чтобы очистить душу человека от всей грязи прошлого, от глубоко укоренившихся в сознании негодных и враждебных его действительным интересам традиций, привычек, пристрастий и поднять миллионы людей до сознательного служения великой истине, подлинного гуманизма нужны небывалые, грандиозные усилия.

Успехи социализма на этом пути признают даже наши противники. Скептицизм же их основан, во-первых, на том, что из-за своих мировоззренческих позиций они не в состоянии понять сущность социалистического коллективизма во всем его богатом гуманистическом содержании. Во-вторых, они, как правило, упускают из виду то, что коммунизм находится на пути к своему социальному и нравственному идеалу, что на этом пути встречаются немалые трудности, возможны и ошибки. Выдавать сегодняшнее состояние социалистического общества, его нравственной жизни со всеми положительными и отрицательными явлениями за свидетельство неосуществимости коммунистического идеала совершенно неправомерно и свидетельствует о враждебной тенденциозности антикоммунизма в оценке социалистического образа жизни.

В связи с этим следует подчеркнуть необходимость объективного взгляда на наши достижения в нравственном воспитании. Вся идеологическая деятельность Коммунистической партии способствует формированию у советских людей высоких нравственных принципов. Средства массовой информации ежедневно сообщают о примерах трудового героизма, мужества, верности гражданскому долгу, проявлениях высоких нравственных качеств советского человека. В пропаганде высоких образцов коммунистической идейности, нравственной цельности и чистоты заключается большая воспитательная сила.

В то же время путь к утверждению авторитета коммунистического нравственного идеала лежит через объективный вдумчивый анализ недостатков, пока еще существующих в нравственном воспитании. Партия учит не допускать необъективности и не сглаживать острых проблем. Подобные явления могут только снизить эффективность воспитательного процесса. «Приглаживание жизни,— писал выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский,— рождает догматизм в суждениях и сковывает мысль, служит источником скептицизма, неверия в высокие коммунистиче-

ские цели и принципы, разоружает человека в борьбе за коммунизм»[1].

Нравственное сознание личности, ее совесть представляют тот фокус, в котором сходятся и через который человеком осознаются все его многообразные связи с обществом, оцениваются явления и проблемы современной жизни. Именно совесть болезненно реагирует на несовпадение должного и сущего, на расхождение между словом и делом. «Разрыв между словом и делом,— отмечалось на XXV съезде партии,— в каких бы формах он ни выражался, наносит ущерб и хозяйственному строительству, но особенно — нравственному воспитанию»[2].

Коммунизм — это общество высокой идейной убежденности, сознательности и верности его нравственному идеалу миллионов людей. Только при сознательном и активном отношении каждого члена общества к решению актуальных задач коммунистического строительства могут быть достигнуты наилучшие результаты. Гражданская, мировоззренческая зрелость и активность миллионов — гарантия торжества коммунистического идеала. «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения,— говорил Л. И. Брежнев.— Выработать такую позицию — задача нравственного воспитания»[3].

Формирование атеистической убежденности

Задача коммунистического воспитания — формирование нового человека — сложна и многогранна, ее решению подчинены различные направления воспитательного процесса.

[1] *Сухомлинский В. А.* О воспитании, с. 240.
[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 77—78.
[3] Там же, с. 77.

Подобно тому, как луч солнечного света может быть изображен в виде спектра, состоящего из различных цветовых оттенков, коммунистическое воспитание представляет собой сложный процесс, в котором в тесном единстве и взаимосвязи находятся различные его факторы — идейно-политическое, трудовое, нравственное, атеистическое, эстетическое, физическое воспитание. На XXV съезде КПСС был подчеркнут важнейший принцип повышения эффективности всей идеологической работы партии на современном этапе: «Это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся»[1]. Всестороннее развитие коммунистической личности предполагает пропорциональное использование всех факторов воспитательного процесса, их гармоническое сочетание. Недостаточное внимание к тем или иным из них снижает эффективность коммунистического воспитания. Эти мысли получили дальнейшее развитие и на XXVI съезде КПСС.

Атеистическая пропаганда, будучи относительно самостоятельным направлением в процессе формирования нового человека, в то же время из единого комплекса коммунистического воспитания личности может быть выделена в значительной мере условно. Диалектика воспитательного процесса выражается во взаимопроникновении и взаимодействии различных его аспектов. Трудовое, нравственное, эстетическое воспитание — все эти направления в свою очередь оказывают воздействие на формирование научно-атеистических взглядов. Из этого следует, что вопросами атеистического воспитания должны заниматься не только пропагандисты и ученые — специалисты в области научного атеизма. Большой вклад могут и должны вносить пропагандисты новейших научных достижений в области естественных наук, гуманитарных знаний.

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

Особо следует отметить взаимосвязь атеистического и нравственного воспитания. В наше время, когда основной спор между научным и религиозным мировоззрением идет вокруг проблемы нравственного достоинства человека, ценности его нравственного идеала, атеистическое просвещение должно более внимательно и всесторонне останавливаться на раскрытии глубокой внутренней взаимосвязи, единства научно-атеистического миропонимания и коммунистической нравственности.

В настоящее время акценты в атеистической пропаганде безусловно должны смещаться в сторону главных жизненных проблем. «Век математики, слышишь на каждом шагу, век электроники, век космоса,— писал В. А. Сухомлинский.— Все эти выражения не отражают сущности того, что происходит в наше время. Мир вступает в век Человека — вот что главное» [1].

Успехи человеческого разума религия давно стремится приписать богу. Религиозное мировосприятие — не столько заблуждение ума, сколько дело сердца — определенное мироощущение, психологический настрой, то есть больше эмоциональное, чем рассудочное отношение к жизни. А заблуждения сердца могут развеяться только перед убедительным примером нравственной цельности и чистоты, подлинного величия и силы человеческого духа.

Формирование атеистической убежденности неразрывно связано с пропагандой и утверждением нравственных принципов коммунистического общества, тех черт коммунистического общежития, которые созвучны извечным стремлениям человека к гармонии человеческих отношений.

Коммунистическая нравственность — высший уровень развития человеческого гуманизма, вобравшего в себя все лучшее, и прежде всего так называемые «простые» (хотя они таковыми могут показаться лишь на первый взгляд)

---

[1] *Сухомлинский В. А.* О воспитании, с. 212.

правила взаимоотношений между людьми — требования быть порядочным, честным, уважительным, сознающим свой долг, обязанности перед другими. В этом смысле для современного молодого человека не потеряли своей привлекательности, ценности литературные герои, которые утверждают такие черты характера, принципы поведения. Очень верно рассуждает на эту тему А. В. Гулыга в своей книге «Искусство истории», обращаясь к нравственной позиции Татьяны Лариной из «Евгения Онегина».

«Чему меня, живущему в другой системе измерений, может научить пушкинская Татьяна? У нас иное понимание долга, чем во времена Пушкина, иная мораль — коммунистическая.

Все дело в том, что коммунистическая мораль не висит в воздухе: это высшее достижение нравственного сознания человечества, своего рода надстройка, второй этаж, который высится над тем, что Маркс охарактеризовал как «простые законы нравственности». Второй этаж держится на первом, с его высоты многое виднее, но подгнил фундамент, может рухнуть все здание. Вот почему приходится заботиться о прочности первого этажа... Нравственную арифметику человечество усвоило давно, сейчас оно решает задачи из высшей математики. Но каждый человек для себя должен пройти полный курс, начиная с азов. И здесь Татьяна — отличный наставник»[1]. Чтобы воспитывать в себе черты коммунистической морали, понять смысл и действительную историческую новизну и величие коммунистического нравственного идеала, необходимо в полной мере усвоить каждому эту нравственную арифметику. Без этого не может быть коммунистического гуманизма.

Двадцатый век — век техники и комфорта. Темп жизни увлекает на большой скорости ум, дает ему богатую пищу и нередко перегружает память. Но гармоническое развитие человека предполагает не только развитие ума,

---

[1] *Гулыга А. В.* Искусство истории, с. 229.

но и развитие, воспитание сердца. Важнейшей воспитательной задачей является формирование нравственной ответственности за судьбу каждого человека, за судьбу Родины. Проявления чуткости, соучастия, сострадания — все это свидетельствует об открытости сердца. Именно на этой душевной, сердечной волне должно основываться общение в семье, в быту, на работе. Именно эти качества души являются одной из необходимых предпосылок восприятия высоких идеалов коммунизма, подлинного человеколюбия.

Заслуженная артистка РСФСР Алла Демидова писала в газете «Правда»: «Советские люди умеют делать добро. Нигде в мире не умеют делать добро так, как мы,— широко, щедро, бескорыстно. Я имею в виду большие наши дела — помощь друзьям, вставшим на путь мира и прогресса, щедрое участие общества в воспитании молодого поколения, заботу государства о повышении благосостояния трудящихся. Но в «малых», повседневных делах нередко еще нам не хватает обязательности, простой житейской доброжелательности к окружающим, общительности, других проявлений воспитанности» [1].

Проблема нравственного воспитания на основе научного материалистического мировоззрения, задача критического анализа религиозной интерпретации нравственности всесторонне обсуждались участниками «круглого стола», организованного журналом «Наука и религия» в феврале 1980 года. Участники этого обсуждения говорили, в частности, о недостатках нравственного воспитания молодежи, о настораживающих случаях нравственной безграмотности. Отмечали и неудовлетворенный интерес к вечным проблемам бытия — таким, как борьба добра и зла, смысл жизни, долг и призвание человека, смерть и бессмертие и т. д., невнимание к тонкостям душевных переживаний, ведущее порой человека к религии.

---

[1] «Правда», 1980, 7 июня.

Борьба за коммунизм тогда дает глубокое внутреннее удовлетворение, порождает сознание причастности к великому делу служения своему народу, когда она сопровождается пропорциональным нравственным развитием личности. Развитое нравственное сознание, верность идеалу коммунизма делают жизнь человека живой, наполненной, интересной. Знание моральных норм само по себе не обеспечивает еще следования им на деле. Коммунистическое воспитание призвано обеспечить сплав знаний и убеждений прежде всего у подрастающего поколения. «Так и только так можно добиться, чтобы молодежь воспринимала наши великие идеи не как зазубренный урок, а как систему собственных взглядов и воззрений» [1].

В связи с этим следует заметить, что отсутствие религиозных взглядов и убеждений с точки зрения актуальных задач атеистического воспитания не может само по себе рассматриваться как явление достаточно ценное. Неприятие религии порой связано с равнодушием к мировоззренческим проблемам в целом. Задача атеистического воспитания — формировать сознательную убежденность. Надо не только отрицать религиозное понимание жизненных проблем, но и ценить величие и гуманизм коммунистического нравственного идеала, уметь его защищать и утверждать на деле. Поэтому в процессе атеистического воспитания «возрастает необходимость все полнее и глубже раскрывать конструктивную, жизненаправляющую роль атеистических взглядов, богатство научного мировоззрения и социалистического гуманизма. Главное здесь состоит в том, чтобы четко показать, что́ обрел человек, порвавший с религией, что дает научно-материалистическое, атеистическое мировоззрение колеблющемуся, неверующему, любому человеку» [2].

---

[1] *Брежнев Л. И.* Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1, с. 186.

[2] *Курочкин П., Тимофеев В.* Свобода совести и атеистическое воспитание. — «Правда», 1979, 30 марта.

В современных условиях отсутствие прочных атеистических знаний и атеистической убежденности должно рассматриваться как свидетельство мировоззренческой незрелости. Преодоление мировоззренческого индифферентизма, формирование классового подхода к различным явлениям религиозной жизни в прошлом и настоящем, партийная их оценка — актуальная задача атеистического воспитания.

Марксистский гуманизм неразрывно связан с уважением к человеку, с глубоким пониманием психологии личности со всеми ее острыми, порой болезненными душевными коллизиями. Это в полной мере относится и к психологии верующего. Марксистская критика религии — это такая критика, в основе которой лежит понимание сложных противоречий, отражающихся в религиозном сознании, это критика, освещенная гуманным проникновением во внутренний мир верующего. Если за религиозными убеждениями не усматривается живой человек, ищущий истину, нуждающийся в помощи, в теплоте человеческого общения, то подобная критика религиозных идей может вызвать у верующего недоумение, вывод о непонимании атеистами его взглядов, о поверхностном подходе к его неудовлетворенным духовным потребностям.

В практике атеистической работы не следует упускать из виду причин, из-за которых некоторые люди ищут в религии идеалы и нравственные критерии. Очевидно, нарушение принципов социалистического общежития, нездоровая нравственная атмосфера в коллективе — явления негативные, препятствующие утверждению норм, принципов коммунистической нравственности.

На формирование мировоззрения влияет огромное множество факторов, и не все они настроены на одну «атеистическую тональность». Среди них есть и такие, которые в отдельных случаях могут создавать психологическую предрасположенность к восприятию религиозных идей, побудить личность к поискам нравственной опоры в религии. Жизненные трудности, равнодушие к судьбе человека со

стороны окружающих, бюрократизм и несправедливость, порождающие глубокие обиды и отчужденность от коллектива и близких людей, ошибки в воспитании и порой малая действенность самого воспитательного процесса, отсутствие мировоззренческой зрелости и непоследовательность в оценке сложных, иногда противоречивых явлений социальной и духовной жизни — все это затрудняет процесс атеистического воспитания.

Следует, однако, подчеркнуть, что подобные причины имеют частный характер. Объективные социальные условия, характеризующие общество развитого социализма, весь социалистический образ жизни, система идейного воспитания, построенная на принципах марксистского учения, безусловно являются определяющим фактором неуклонного преодоления религии в нашей стране. «Религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм,— говорил К. Маркс.— Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию» [1].

Роль нравственного воспитания в процессе коммунистического строительства постоянно возрастает. Черты коммунистической морали проявляются в высокой идейной убежденности и верности нравственному долгу, в единстве слова и дела, в коммунистическом отношении к труду, чуткой гражданской совести.

Перед молодым поколением нашей страны партия поставила исключительно величественные и ответственные задачи, успешно выполнить которые можно только будучи граждански зрелым человеком, восприняв лучшие традиции борьбы за свободу и счастье.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Об атеизме, религии и церкви. М., 1971, с. 470.

Литература

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О религии. М., 1975.

Ленин В. И. О коммунистической нравственности. Изд. 2-е. М., 1975.

Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС, т. 1. М., 1979.

Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979.

Атеизм, религия, нравственность. М., 1972.

Гапочка М., Пищик Ю. Идеалы человеческие и божественные. М., 1975.

Гуманизм, атеизм, религия. М., 1978.

Курочкин П. К. Научно-атеистическое воспитание в системе идеологической работы. М., 1980.

Попова М. А., Филиппова Е. И. Духовный мир личности и атеизм. М., 1979.

Фартухова Г. В. Социальная ответственность личности и атеизм. М., 1980.

Шердаков В. Н. Атеизм и нравственность. Л., 1973.

Шукшин В. Нравственность есть Правда. М., 1979.

Я — атеист. М., 1980.

Оглавление

Станислав Алексеевич
Кучинский

**Атеизм
и нравственный
идеал**

Редактор Г. И. Кряжевских
Художник В. В. Быков
Художественный редактор Н. Н. Гульковский
Технический редактор С. Б. Матвеева
Корректор Э. Г. Поварская

ИБ № 1783

Сдано в набор 6.05.81. Подписано к печати 17.06.81. М-14055. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. литературн. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,45. Уч.-изд. л. 2,55. Тираж 50 000 экз. Заказ № 139. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Библиотечка
молодого
атеиста

15 коп.

С. А. КУЧИНСКИЙ

Атеизм и нравственный идеал

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Государственного музея истории религии и атеизма С. А. Кучинский освещает одну из актуальных проблем духовной жизни советского общества—взаимосвязь коммунистического нравственного идеала и научно-атеистического миропонимания. Как жить достойно, в чем заключается добро и зло, какие цели человек должен ставить перед собой? На эти и многие другие вопросы научный атеизм и религия дают принципиально противоположные ответы. В брошюре раскрывается гуманизм нравственного идеала советских людей, его связь с атеистическим воспитанием.

Брошюра адресована организаторам атеистического воспитания молодежи, пропагандистам и слушателям системы партийной и комсомольской учебы. Она будет интересна и массовому читателю.